

ЭЛИНА ВЕЙЛ

AURELIAN
UNIVERSITY

КУРС ЗАБЫТЫХ ЯЗЫКОВ

Не переводите
последнее слово
вместе.

Элина Вейл

Курс забытых языков

«Автор»

2026

Вейл Э.

Курс забытых языков / Э. Вейл — «Автор», 2026

В Аурелианском университете шестерых студентов допускают к рукописи, которую больше века никто не смог расшифровать. Лучших из них — амбициозную Мару Эрен и безупречного Адриана Фалька — ставят в пару. Сначала они спорят о каждом слове. Потом Мара видит воспоминание, которое принадлежит Адриану. Чем ближе они подбираются к разгадке языка, способного передавать чужой опыт, тем труднее понять, где заканчивается перевод и начинаются их собственные чувства. А найденные в архиве дневники предыдущей пары исследователей слишком точно повторяют то, что происходит с ними сейчас. Остановиться — значит отказаться от открытия века. Продолжить — рискнуть последним, в чём они ещё уверены: собственной памятью, собственными желаниями и друг другом. Не переводите последнее слово вместе.

© Вейл Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ I. ПЕРЕВОД	5
Глава 1. Шесть мест	5
Глава 2. Человек, который всегда прав	14
Глава 3. MS A-113	22
Глава 4. Непереводимое	27
Глава 5. Один перевод	30
Глава 6. После закрытия	33
Глава 7. Источник знания	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Элина Вейл

Курс забытых языков

ЧАСТЬ I. ПЕРЕВОД

Глава 1. Шесть мест

В первый день в Аурелианском университете Мара потерялась трижды.

Первый раз — между вокзалом и общежитием, хотя дорога занимала двенадцать минут и почти всё время шла вверх.

Второй — внутри факультета исторической филологии, где лестницы соединяли этажи в порядке, понятном, вероятно, только архитектору XV века.

В третий раз она заблудилась намеренно.

На третьем этаже висела небольшая латунная табличка:

СТУДЕНТАМ ВХОД ЗАПРЕЩЁН.

Мара остановилась перед ней секунд на пять.

Потом пошла дальше.

Она уже видела официальный Аурелиан: белые скатерти на приветственном завтраке, декана в мантии, двор с фонтаном, библиотеку, которую фотографировали для каждого буклета последние лет тридцать. Всё это было красиво и немного похоже на декорацию.

Ей хотелось увидеть университет, который не показывали новым студентам.

Коридор за табличкой оказался разочаровывающе обычным. Каменный пол, высокие окна, тёмные двери с латунными номерами. На стенах висели портреты бывших преподавателей.

В основном мужчин.

Они смотрели на Мару с выражением людей, которым ещё при жизни сообщили, что они войдут в историю, и с тех пор они никому не позволяли об этом забыть.

У последнего портрета Мара остановилась.

Женщина лет тридцати. Тёмные волосы, строгий взгляд.

Под рамой:

САБИНА ВАРГА

1968—

И всё.

Ни должности.

Ни кафедры.

Ни даты смерти, раз уж после тире оставили место.

Под табличкой на стене виднелся более светлый прямоугольник. Когда-то там висело что-то крупнее.

— Обычно новые студенты начинают нарушать правила хотя бы со второй недели.

Голос раздался за спиной.

Мара обернулась.

Высокий мужчина примерно её возраста стоял у окна с книгой в руке. Тёмное пальто было расстёгнуто, волосы слегка намочили от дождя, но в остальном он выглядел слишком собранным для человека, которому ещё не исполнилось тридцать.

Нет. Двадцати пяти.

На обложке книги крупно стояло:

FALK. EVIDENTIALITY IN EXTINCT LANGUAGES

Мара перевела взгляд с фамилии на его лицо.

— Я перевелась. Мне можно ускоренную программу.

Он почти улыбнулся.

— Мара Эрен.

Теперь уже она прищурилась.

— Мы знакомы?

— Нет.

— Тогда откуда вы знаете моё имя?

— В этом году четыре переведённых студента. Из них только одна на исторической лингвистике.

— Очень успокаивает.

— Я не пытался.

Мара снова посмотрела на портрет.

— Кто это?

— Сабина Варга.

— Я умею читать.

— Уже плюс для факультета.

Она повернулась к нему.

— Я спрашиваю, кем она была.

— Не знаю.

Ответ прозвучал чуть быстрее, чем остальные.

Совсем немного.

Мара отметила это автоматически.

— Удивительно.

— Что?

— Что здесь существует что-то, чего вы не знаете.

Теперь он улыбнулся точно.

— Адриан Фальк.

— Я догадалась.

— По книге?

— Ваша фамилия стоит примерно на половине списка литературы.

— Большая часть не моя.

— Пока.

На секунду его выражение изменилось.

Будто Мара случайно сказала что-то не совсем смешное.

Но он тут же посмотрел в сторону лестницы.

— Здесь камеры.

— Это предупреждение?

— Наблюдение.

— И что мне грозит?

— Скорее всего, ничего. Вы новый стипендиат, вас пока любят.

Мара почувствовала знакомое раздражение.

— Откуда вы знаете про стипендию?

— В Аурелиане любят списки.

Она уже собиралась ответить, когда в дальнем конце коридора что-то глухо ударило.

Потом послышался скрежет.

Мара повернула голову.

— Там кто-то есть?
— Вероятно.
— Очень содержательно.
— Вы задаёте вопросы, на которые хотите получить более интересные ответы, чем существуют.
— А вы всегда так разговариваете?
— Нет.
— Только с новыми студентами?
— Только с теми, кто заходит за табличку «вход запрещён», а потом удивляется звукам за закрытыми дверями.
Он прошёл мимо неё.
У лестницы остановился.
— Через двадцать минут ориентация.
— Я знаю.
— Вы идёте в другую сторону.
Мара посмотрела на коридор.
Потом на него.
— Я проверяла вас.
— И?
— Разочарована.
Он пошёл вниз.
— Тогда добро пожаловать в Аурелиан.
• • •

Аурелианский университет существовал с 1498 года и относился к своей древности как богатая семья к фамильному серебру: пользовался ежедневно, но постоянно напоминал гостям о происхождении.

Главный корпус был бывшим монастырём. Студенческие общежития занимали дома XVII и XVIII веков. Часы на башне Беллер звонили каждые пятнадцать минут, будто университет не доверял молодым людям самостоятельно следить за временем.

Мара выбрала Аурелиан не из-за башни.

И не из-за латинских девизов.

Она отказалась от места в Лионе, потратила почти все накопления на переезд и прошла три этапа стипендиального конкурса ради одного: здесь работали с языками, о которых в большинстве университетов рассказывали в прошедшем времени.

На приветственной встрече декан говорил о традиции, ответственности и исключительных возможностях.

Мара слышала слово «исключительный» семь раз.

На восьмой перестала считать.

В актовом зале над кафедрой было выбито:

VERBA MANENT.

Слова остаются.

Мара посмотрела на пустое место слева.

Полная латинская фраза начиналась иначе:

Verba volant, scripta manent.

Слова улетают, написанное остаётся.

Кто-то намеренно оставил только вторую половину.

— Вы тоже заметили?

Рядом стояла невысокая девушка с короткими светлыми волосами.

— Что?

— Что они отрезали половину цитаты.

Мара посмотрела на неё.

— Да.

— Отлично. Значит, здесь есть хотя бы два занудных человека.

— Я предпочитаю «внимательных».

— Селеста Арман.

— Мара.

— Знаю.

Мара вздохнула.

— Здесь правда все знают списки?

— Здесь знают всё, что позволяет определить, кто выше тебя в академической пищевой цепочке.

— Звучит уютно.

— Подождите академического ужина.

Они вышли из зала вместе.

Селеста занималась социолингвистикой и за двадцать минут успела объяснить Маре университетскую иерархию лучше, чем официальная ориентация за два часа.

Старые семьи.

Новые деньги.

Преподавательские династии.

Стипендиаты.

Студенты, которых приняли за достижения, и студенты, которым всю учёбу будут напоминать размер финансовой помощи так, будто университет лично покупает им обед.

— Кстати, — сказала Селеста, когда они дошли до факультета. — Вы подаётесь к Арендту?

— К кому?

Селеста остановилась.

— Вы серьёзно?

— Я здесь с утра.

— Люциан Арендт. *Linguae Oblitae*. Официально — семинар непереводимых текстов.

— А неофициально?

— Курс забытых языков. Так его называют уже лет двадцать.

Мара фамилию знала.

Конечно.

Она читала две его статьи и спорила с одной из них почти весь прошлый семестр.

— Его семинар?

— Закрытый. Шесть человек.

— По каким языкам?

— Каждый год по-разному. Иногда неопубликованные рукописи. Иногда тексты из частных коллекций. Говорят, в этом году может быть Орсен.

— Кодекс Орсен?

Селеста посмотрела уже с уважением.

— Всё-таки знаете.

— Только название.

— Большинство знает только его. Сто девять заявок в прошлом году. Взяли шестерых.

— Когда отбор?

Селеста посмотрела на часы.

— Через два с половиной часа.

• • •

В 16:30 перед Комнатой 17 стояли тридцать восемь человек.

— Тридцать семь, — сказал знакомый голос.

Мара обернулась.

Адриан Фальк стоял у противоположной стены.

Без пальто. В тёмном свитере, с папкой под мышкой.

— Что?

— Тридцать семь кандидатов.

— Я насчитала тридцать восемь.

— Один ждёт девушку.

Мара проследила за его взглядом.

Действительно. Молодой человек у окна через минуту обнял вышедшую из соседней аудитории студентку и ушёл вместе с ней.

— Вы считали?

— Нет.

— Тогда откуда...

— Он ничего не держит. Все кандидаты получили серые папки.

Мара посмотрела на собственную.

Потом на него.

— Невыносимо.

— Мне говорили.

На стене рядом с дверью висела выдержка из статьи Арендта:

Ошибка переводчика состоит не в том, что он не способен найти точное слово. Ошибка начинается тогда, когда он уверен, что точное слово обязано существовать.

На ксерокопии кто-то когда-то написал карандашом:

Самодовольно. Но верно.

— Согласны? — спросила Мара.

Адриан посмотрел.

— Со второй частью.

— А с первой?

— Тоже.

— Тогда зачем уточнение?

— Мне нравится быть точным.

— Не заметила.

Он проигнорировал.

Мара кивнула на дверь.

— Вы тоже на отбор?

— Да.

— Первый раз?

— Третий.

Это удивило.

— Вас дважды не взяли?

— Один раз не взяли. Один раз взяли.

— И вы вернулись?

— Да.

— Почему в первый не прошли?

Адриан посмотрел на неё.

— Мне было девятнадцать. Я потратил сорок минут на доказательство того, что в одном задании есть ошибка.

— Была?

— Да.
— Тогда в чём проблема?
— Остальные задания я не закончил.
Мара улыбнулась.
— Приятно знать, что у вас есть слабости.
— У меня их много.
— Назовите ещё одну.
Дверь открылась.
— Следующая группа.
Адриан посмотрел на Мару.
— Недостаток времени.

• • •

В Комнате 17 было шесть столов.

Это Мара заметила сразу.

Небольшая доска на стене была вытерта плохо: под свежими следами мела проступали старые слова и знаки.

За преподавательским столом стоял Люциан Арендт.

Пятьдесят с небольшим. Седина на висках, рубашка без галстука, рукава закатаны. Он совсем не выглядел человеком, которого студенты годами цитировали в диссертациях.

— Арман. Эрен. Фальк. Ковач. Мерсер.

Он посмотрел на часы.

Пять человек.

Шесть столов.

— Садитесь.

Селеста заняла место рядом с Марой.

Хана Ковач, тихая девушка с длинными тёмными волосами, села у стены.

Джулиан Мерсер осмотрел комнату.

— Уютно. Похоже на место, где сообщают завещание.

Арендт поднял на него взгляд.

— Надеюсь, вас в нём нет.

Джулиан улыбнулся и сел.

Арендт раздал листы.

Шесть коротких строк неизвестного письма. Под ними транслитерация.

nair

eth

nairem

— У вас сорок минут. Словарей нет. Телефоны выключены. Напишите всё, что можете установить о системе.

Джулиан поднял руку.

— Перевод?

— Если хотите.

— Вы не хотите?

— Мне всё равно.

— Это ловушка?

Арендт посмотрел на него.

— Теперь точно.

Мара наклонилась к листу.

Через пять минут перестала видеть аудиторию.

Повторы.

Окончания.

Смена формы.

nair — *nairem*.

Последовательность слишком короткая для уверенности.

Можно было придумать десяток красивых систем.

Это и было опасно.

Она написала несколько вариантов.

Потом:

***nair*, вероятно, кодирует отношение говорящего к источнику сообщения. Возможна эвиденциальная функция.**

Ниже:

часть значения без контекста, возможно, принципиально не восстанавливается.

Рядом Адриан писал быстро.

Мара заставила себя не смотреть.

Когда Арендт объявил конец, Джулиан выглядел довольнее остальных.

Плохой знак.

Листы собрали.

— И? — спросил профессор.

— Глагольная система, — сказал Адриан.

Мара повернулась.

— Почему?

— *-em* ведёт себя как грамматический показатель.

— Это не делает *nair* глаголом.

— Позиция делает.

— В шести строках?

Он посмотрел на неё.

— У вас есть лучше?

— *-em* может маркировать эпистемическую дистанцию.

— На основании?

— Смена контекста.

— Контекста нет.

— Именно.

Адриан на секунду замолчал.

Мара поняла, что попала.

Он протянул руку к лежавшей между ними копии.

Она одновременно сделала то же.

Пальцы соприкоснулись.

Мара первой убрала руку.

Арендт вернулся к столу и увидел их наклонившимися над одним листом.

— Прекрасно.

Непонятно, к чему именно это относилось.

• • •

Через несколько минут профессор уничтожил все их выводы одним предложением.

— Этого языка не существует.

Джулиан перестал улыбаться.

— Простите?

— Я придумал его вчера вечером.

Арендт подошёл к доске.

— Морфология собрана из трёх существующих систем. Синтаксис — из двух. Часть лексики произвольна.

Селеста спросила:

— Зачем?

— Мне было интересно, как вы ведёте себя, когда систему невозможно проверить.

Он взял лист Джулиана.

— Большинство людей начинает придумывать уверенность.

— Я перевёл все шесть предложений, — сказал Джулиан.

— Да. Вы дали мне шесть примеров того, как не надо переводить.

Хана тихо улыбнулась.

Арендт посмотрел на её работу.

— Госпожа Ковач заметила, что значение некоторых форм меняется в зависимости от перспективы говорящего. Госпожа Арман предположила социальную функцию двух форм обращения. Мистер Фальк реконструировал большую часть искусственной грамматики.

Он взял последний лист.

— Госпожа Эрен единственная написала, что часть текста может быть принципиально непереводаема без внешнего контекста.

— Я написала «без контекста».

— Да.

— Не «непереводаема».

— Какая разница?

— Большая.

Арендт улыбнулся.

— Хорошо.

Он положил лист.

— Разве другой человек не может быть контекстом?

Мара не сразу поняла вопрос.

И именно поэтому запомнила.

• • •

Взяли всех пятерых.

Шестой участник, сообщил Арендт, присоединится в понедельник.

Перед уходом они получили чёрные папки.

На каждой — фамилия.

Внутри лежали карта доступа в Старую библиотеку, расписание и соглашение о неразглашении.

На последнем листе — правила.

Шесть пунктов.

Мара прочитала последний дважды.

6. Участникам запрещено самостоятельно изучать материалы предыдущих исследовательских групп, включая личные архивы бывших участников проекта.

— Проекта? — спросила она.

Арендт уже собирал бумаги.

— Что?

— Здесь написано «проекта». Не «семинара».

— Потому что часть работы относится к текущему исследовательскому проекту.

— Какому?

— Узнаете в понедельник.

Мара посмотрела на Адриана.

Он уже читал ту же строку.

После занятия она догнала его.

— Что было в прошлом году?

— Фрагменты неизвестного письма из частной коллекции.

— А в этом?

Адриан убрал папку в сумку.

— Если повезёт, ничего.

— Очень обнадёживает.

— Возможно, Кодекс Орсен.

Мара остановилась.

— Вы знаете?

— Нет.

— Но думаете.

— Да.

— Почему «если повезёт, ничего»?

Он посмотрел на неё.

— Потому что про Орсен обычно говорят люди, которые хотят его увидеть. Почти никто из тех, кто с ним работал.

• • •

В общежитии Мара вместо ужина открыла ноутбук.

Про Кодекс Орсен почти ничего не было.

Название.

Архивный номер.

Несколько упоминаний в старых каталогах.

Зато она нашла публикации Арендта.

Статьи шли регулярно.

Потом, двадцать семь лет назад, почти четырёхлетний провал.

После него изменилась тема исследований.

В первой статье после перерыва стояла благодарность:

S. Varga

Мара вспомнила портрет.

Сабина Варга. 1968–

Она снова открыла папку.

Прочитала шестое правило.

В мелком тексте:

включая личные архивы бывших участников проекта.

Она была почти уверена, что днём читала слово «семинар».

Почти.

Мара закрыла папку.

На внутренней стороне обложки виднелась бледная карандашная строка.

Она поднесла ближе к лампе.

Не переводите последнее слово.

Мара провела пальцем по графиту.

Он размазался.

Свежий.

В этот момент университетские часы ударили двенадцать раз.

Она посмотрела на телефон.

23:15.

Глава 2. Человек, который всегда прав

Утром часы показывали правильное время.

Мара специально прошла через площадь Беллер.

08:12.

Её телефон показывал 08:12.

Она постояла ещё минуту, чувствуя себя человеком, который подозревает башенные часы в личной неприязни.

Потом пошла на факультет.

В папке по-прежнему было написано:

Не переводите последнее слово.

Перед выходом Мара сфотографировала надпись.

Просто чтобы больше не сомневаться в том, что видела.

• • •

На доске Комнаты 17 Арендт написал:

ЗНАЧЕНИЕ

ПАМЯТЬ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Под ними:

Что именно знает человек, когда знает слово?

— Несправедливый вопрос для восьми утра, — сказала Селеста.

Джулиан поставил кофе на край стола.

— У меня до девяти нет самосознания.

Хана открыла тетрадь.

— Это многое объясняет.

В 08:00 вошёл Арендт.

Вместе с ним Адриан.

Волосы у него были влажными после дождя.

Мара посмотрела на часы.

— Вы опоздали.

— Восемь ровно.

— Вы вошли после профессора.

— Одновременно.

— Технически после.

Адриан сел напротив.

— Вы начали вести моё расписание?

— Пока только нарушения.

— Успехи?

— Разочаровывающие.

Арендт посмотрел на них.

— Рад, что вы оба готовы.

• • •

Первые сорок минут они обсуждали языковую относительность.

Хана сформулировала осторожно: язык способен влиять на привычные способы категоризации, но не определяет мысли жёстко.

Селеста добавила:

— Отсутствие отдельного слова не означает отсутствие понятия. Я могу не иметь слова для определённого чувства и всё равно его испытывать.

— Конечно, — сказала Мара. — Но если слово появляется, может измениться то, как человек замечает чувство. Или запоминает.

Адриан поднял голову.

— Не только замечает. Категоризация может менять последующий опыт.

— Это уже трудно проверить.

— Трудно не значит невозможно.

— Если человек выучил слово, потом иначе описал ощущение и мы объявили, что язык изменил опыт, мы ходим по кругу.

— Только при плохом эксперименте.

— А хороший?

— Контрольная группа.

— С памятью?

— Почему нет?

— Потому что память реконструируется.

Арендт вмешался:

— Отлично. Значит, вопрос становится интереснее.

Он стёр нижнюю строку на доске.

Написал:

Насколько ваша память принадлежит вам?

Хана нахмурилась.

— «Принадлежит» здесь метафора.

— Разумеется.

— Память реконструируется. На неё влияют рассказы других людей, фотографии, позднейшая информация. Это не делает воспоминания буквально чужими.

— Пока достаточно.

Арендт раздал карточки.

Мара получила:

Вы стоите на кухне в доме, где провели детство.

Окно открыто. На улице идёт дождь.

На столе лежит разрезанный лимон.

Кто-то в соседней комнате смеётся.

— Прочитайте один раз. Закройте. Представьте сцену. Через минуту запишите всё, что запомнили.

Мара закрыла карточку.

Кухня появилась легко.

Окно.

Дождь.

Лимон.

Смех.

Потом мозг добавил тёмный сад за стеклом.

На холодильнике — детский рисунок синей птицы.

Она записала.

После этого карточки сравнили.

Адриан сидел неподвижно.

— Что? — спросил Арендт.
Он показал свой лист.
Его исходная карточка была другой:
Вы стоите в гостиной незнакомого дома.

За окном идёт дождь.

На столе лежит открытая книга.

Из кухни доносится звон посуды.

В его записи появилось:

тёмный сад

и

детский рисунок синей птицы

Мара почувствовала неприятный укол.

— Мы обсуждали птиц?

Адриан посмотрел на неё.

— Нет.

— Сад?

— Нет.

Хана взяла оба листа.

— Сад не очень специфичен. Дождь, окно, дом — обычная ассоциация.

— Птица? — спросил Джулиан.

Хана помедлила.

— Менее обычная.

Арендт забрал листы.

— Один случай ничего не доказывает.

— Вы специально дали нам разные карточки? — спросила Мара.

— Всем разные.

— И ожидали совпадений?

— Нет.

Он сказал это спокойно.

Мара не была уверена, что поверила.

• • •

После перерыва Арендт включил проектор.

На экране появилась страница старого пергамента.

Неровные строки тёмных знаков.

Две разновидности чернил.

На нижнем поле — рисунок двух рук: одна раскрыта ладонью вверх, вторая лежала
поверх.

Мара сразу выпрямилась.

— Орсен?

Арендт посмотрел.

— Откуда знаете?

— Фальк.

Все повернулись к Адриану.

Он пожал плечами.

— Я назвал вероятность.

— Теперь вероятность стала фактом.

Арендт сменил слайд.

MS A-113

— Сто восемьдесят шесть листов. Пергамент датирован примерно 1440–1490 годами. Пять основных почерков, несколько составов чернил. В университетский архив рукопись поступила в 1887 году с библиотекой закрытого монастыря Святого Орсена.

— Язык? — спросила Хана.

— Не установлен.

— Семья?

— Не установлена.

— Другие тексты?

— Не найдены.

Джулиан поднял руку.

— То есть существует один текст на языке, на котором, насколько мы знаем, никто больше ничего не написал?

— Да.

— Удобно.

— Для кого?

— Для человека, который его придумал.

В комнате стало тихо.

Арендт слегка улыбнулся.

— Одна из рабочих гипотез.

Он увеличил страницу.

— Мы не уверены даже в том, что слово здесь является устойчивой единицей значения.

Дверь открылась.

В комнату вошёл мужчина с двумя архивными коробками.

— Простите. Лифт умер между этажами.

Он поставил коробки.

— Я решил, что позвоночник менее ценен, чем коллекция.

— Наш шестой участник, — сказал Арендт. — Нико Петреску.

Нико оглядел группу.

На Адриане задержался.

— Вы опять здесь?

— Очевидно.

— Соболезную остальным.

Мара улыбнулась.

Нико заметил.

— Эрен?

— Почему вы все знаете мою фамилию?

— Обработывал часть документов по стипендиям.

— Читали заявку?

— Только рекомендации.

Мара прищурилась.

— Шучу.

— Не уверена.

— Отлично. Быстро учитесь.

...

Следующие два часа им запретили переводить.

Только смотреть.

Мара обнаружила это сложнее, чем ожидала.

Когда перед тобой находится текст, мозг автоматически пытается найти значение.
Она заставила себя смотреть на материал.
Чернила.
Расстояния.
Форму строк.
На каждом шестом промежутке возле края виднелась очень слабая графитовая отметка.
Современная?
Нет. Скорее след старой разметки.
— Профессор.
Арендт подошёл.
— Здесь что-то повторяется каждые шесть строк.
— Может быть.
— Вы видели?
— Сейчас вижу.
Ответ раздражал.
Напротив Адриан работал с увеличенной копией.
— Один знак написан не той же рукой.
Нико подошёл.
— Где?
Адриан показал.
— Повреждение.
— Посмотрите на движение пера.
Нико посмотрел внимательнее.
— Возможно.
Мара подняла глаза.
— Это заразно?
— Что? — спросил Нико.
— «Возможно».
Адриан едва заметно улыбнулся.
Мара снова вернулась к своим отметкам.
Шесть строк.
Ещё шесть.
Ещё.
На двадцать третьей был слабый след, похожий на точку.
— Здесь четвёртая, — сказал Адриан.
Он уже стоял рядом.
— Я вижу.
— Вы её пропустили.
— Я собиралась найти.
— Конечно.
— У вас свой почерк.
— Уже закончил.
— Невыносимо.
— Это мы выяснили.
Они вместе смотрели на страницу.
— Может быть смена говорящего, — сказала Мара.
— Почему шесть строк?
— Потому что блоки.
— Тогда длина реплик подозрительно стабильная.

— Если это не реплики, а формальная структура?

Адриан чуть повернул голову.

— Вот это лучше.

Мара улыбнулась.

— Запишите дату.

• • •

К концу занятия Арендт сообщил, что почти все провалили задание.

— Но мы ничего не должны были анализировать, — сказал Джулиан.

— Именно.

— А мы анализировали.

— Именно.

— Значит, чтобы выполнить задачу, надо было её не выполнять?

— Я хотел посмотреть, сколько времени вам потребуется, чтобы нарушить прямое указание.

— И?

Арендт посмотрел на Мару и Адриана.

— Некоторые показали выдающуюся скорость.

Мара скрестила руки.

— Очень зрелый педагогический метод.

— Работает.

— Кто выиграл?

— Никто.

— Ничья, — сказал Адриан.

Она посмотрела.

— Я первой заметила структуру.

— Я нашёл второй почерк.

— Это разные категории.

— Именно поэтому ничья.

— Удобно.

• • •

После занятия Мара догнала Адриана в коридоре.

— Подождите.

Он остановился.

Она достала телефон.

Показала фотографию надписи.

Не переводите последнее слово.

Улыбка исчезла.

— Это было в папке?

— Да.

— Когда?

— В пятницу вечером.

Он приблизил снимок.

— В прошлом году такого не было.

— Папки были те же?

— Нет. Новые.

— Вы уверены?

— Да.

— Почему?

— Я помню логотип типографии.

Мара посмотрела на него.

— Иногда вы пугаете.

— Что-нибудь ещё?

Она решила рискнуть.

— Сабина Варга.

Он стал серьезнее.

— Что с ней?

— Вы знаете.

— Немного.

— В пятницу сказали, что не знаете.

— Я сказал, что не знаю, кем она была на этом факультете.

— Очень аккуратно.

— Я стараюсь.

— Я нашла четырёхлетний провал в публикациях Арендта и благодарность S. Varga в первой статье после.

Адриан помолчал.

— Я тоже искал.

— Конечно.

— И нашёл кое-что ещё.

— Что?

— Его диссертацию.

— И?

— В университетском экземпляре есть посвящение.

— Какое?

Он произнёс по памяти:

— «Сабине, которая научила меня помнить вещи, которых со мной никогда не происходило».

Мара почувствовала, как холод проходит вдоль спины.

— Это дословно?

— Да.

— Когда покажете?

— Завтра в девять. Восточный читальный зал.

Мара кивнула.

— Хорошо.

• • •

В общежитии она снова открыла папку.

Сама не знала зачем.

Наверное, чтобы убедиться, что надпись существует.

Она существовала.

Только теперь там было написано:

Не переводите последнее слово вместе.

Мара замерла.

Достала телефон.

Открыла фотографию пятницы.

Четыре слова.

Не переводите последнее слово.

Посмотрела на папку.

Пять.

Последнее было написано тем же бледным карандашом.

вместе.

Глава 3. MS A-113

Во вторник Адриан пришёл раньше.

Мара решила не воспринимать это как личное оскорбление.

Восточный читальный зал занимал бывшую монастырскую трапезную. Высокие своды, узкие окна, тяжёлые столы, которые, вероятно, не сдвигали с места со времён Реформации.

Адриан сидел у дальнего окна.

На соседнем стуле лежало пальто.

Мара остановилась.

— Это для меня?

— Что?

— Стул.

— Нет.

Она села на другой.

Адриан помолчал, потом убрал пальто.

Мара посмотрела.

— Передумали?

— Вы очень убедительно стояли.

Она достала папку.

Шутки закончились.

Не переводите последнее слово вместе.

Адриан сравнил обе фотографии, попросил открыть метаданные, долго увеличивал графит.

— Давайте сначала выберем самое скучное объяснение.

— Что я не заметила слово?

— Или оно было слишком бледным и не попало на фотографию.

— Сейчас видно отлично.

— Освещение другое.

— Я проверяла.

— Всё равно.

Мара забрала телефон.

— Вы ужасно стараетесь сделать это неинтересным.

— Интересные объяснения обычно хуже скучных.

— Поэтому вы несколько лет ищете диссертацию Арендта?

Адриан чуть улыбнулся.

— Потому что скучного объяснения там пока не нашлось.

• • •

Диссертация называлась:

Structures of Testimonial Meaning in Late Medieval Manuscript Traditions. 1996.

Печатного экземпляра на полке не оказалось.

— Кто-то взял, — сказала Мара.

— В каталоге значится доступной.

— Каталоги ошибаются.

— Этот обновляется автоматически.

У библиотекаря выяснилось: экземпляр забрали вчера.

Фрау Келлер отказалась назвать читателя, зато сообщила Маре значительно более интересную информацию.

— Он опять за этой диссертацией?

Мара посмотрела на Адриана.

— Опять?

— Не помогайте, — попросил он.

Фрау Келлер улыбнулась.

— Он лет с двадцати её периодически ищет.

— Предательство.

— Передайте отцу, что он мне всё ещё должен книгу.

Адриан изменился едва заметно.

Мара не стала спрашивать.

Уже в коридоре он сказал:

— Вы ожидали, что продолжите допрос.

— Могу, если скучаете.

— Не обязательно.

— Видите. Я умею останавливаться.

— Запишу дату.

Мара посмотрела назад, на закрытую дверь читального зала.

— Диссертацию взяли на следующий день после того, как мы спросили Арендта про Сабину.

— Возможно, совпадение.

— Вам правда не надоело?

— Что?

— Быть человеком, который всё время оставляет себе аварийный выход.

Адриан задумался.

— Я просто не хочу полюбить красивую версию сильнее фактов.

Мара замолчала.

Это была хорошая фраза.

К сожалению.

• • •

В Комнате 17 их ждали полоски пергамента.

Шесть фрагментов, найденных в переплёте Кодекса при реставрации 1974 года.

— Кодекс сегодня не дадите? — спросила Мара.

— Нет.

— Тогда почему Нико принёс перчатки?

— Профессор любит драматургию, — сказал Нико.

— Я слышу.

— В этом расчёт.

Арендт раздал фрагменты.

— Сегодня вы будете ошибаться.

На доске он написал именно это.

Через сорок минут там висели двадцать три несовместимые гипотезы.

Джулиан решил, что часть знаков — числа.

Селеста искала имена.

Хана анализировала перспективу говорящего.

Нико почти не касался языка и изучал сам материал.

Адриан первым заметил диакритический знак.

Мара семь минут доказывала, что это самостоятельный символ.

Потом посмотрела через лупу.

— Хорошо.

Адриан поднял голову.

— Что?

— Вы правы.

— Повторите.

— Не злоупотребляйте редким событием.

Он улыбнулся.

Когда фрагменты положили рядом, отверстия на пергаменте совпали.

Шесть отдельных кусочков оказались одной полосой.

И тогда Мара увидела структуру.

Каждая следующая группа знаков была немного длиннее предыдущей.

Один элемент повторялся.

Но менял положение.

— Это может быть рекурсия, — сказал Адриан.

— Или вложенность.

— «Я знаю».

— «Я знаю, что вы знаете».

— «Я знаю, что вы знаете, что он знает».

Хана придвинулась.

Через несколько минут все шестеро стояли вокруг одного стола.

Арендт тоже.

Мара нарисовала:

$X \rightarrow X \circ X \rightarrow X \circ X \circ X$

— Если форма действительно наращивает дистанцию, — сказала она, — то, возможно, не между участниками. Между говорящим и источником сообщения.

Адриан посмотрел на схему.

— Это лучше.

Мара повернулась.

— Что?

— Гипотеза.

Похвала была короткой и деловой.

И всё равно почему-то значила больше, чем одобрение профессора.

Арендт собрал фрагменты.

— Завтра увидите похожую структуру на третьем листе Кодекса.

Нико нахмурился.

— И эти фрагменты пятьдесят лет лежали отдельно?

— Да.

— Никто не сравнивал?

— Иногда открытие происходит не потому, что до вас никто не видел обеих вещей.

Арендт закрыл коробку.

— А потому, что никому не пришло в голову положить их рядом.

• • •

В кафе впервые проявилась сама группа.

Джулиан шутил, что уйдёт первым.

Нико уверял, что это даже не вопрос.

Хана выдала настолько сухой комментарий о его посещаемости, что Селеста чуть не подавилась кофе.

Потом разговор дошёл до Адриана.

— Мара останется на курсе из принципа, — сказала Селеста.

— Почему? — спросил Нико.

— Потому что Фальк здесь.

Мара подняла голову.

— Причём здесь он?

— Ни при чём.

— Селеста.

— Я вообще говорила про академическую конкуренцию.

— Конечно.

Джулиан посмотрел на Мару.

— Вы спорите так, будто делите кафедру после развода.

— Мы не спорим постоянно.

Четыре человека посмотрели на неё.

Хана сказала:

— Постоянно.

— Спасибо.

Мара сменила тему.

— Нико, что вы знаете про Сабину Варгу?

Вот тогда стало интересно.

Его лицо на секунду закрылось.

— Почему спрашиваете?

— Видела портрет.

— На третьем этаже?

— Да.

— Вы были там?

— Почему все задают именно этот вопрос?

Нико не ответил.

Селеста вспомнила фамилию.

Какая-то старая университетская история.

Возможно, связанная с Арендтом.

Джулиан предположил роман.

Хана предложила в качестве альтернативы финансовое мошенничество.

Нико посоветовал не копать.

— Потому что Арендт не любит?

— Потому что вы на курсе меньше недели.

— Это не объяснение.

— Это совет.

Мара смотрела на него.

— Здесь все знают чуть больше, чем говорят?

Джулиан поднял чашку.

— Теперь вы действительно студентка Аурелиана.

• • •

На следующем занятии Арендт дал им первые реальные формы языка Кодекса.

Три серии местоимений.

e / eir / ena

Мара сначала решила, что это число.

Потом род.

Обе версии не работали.

Глагол восприятия сопровождался **e**.

Переданное сообщение — **eir**.

Воспоминание — **ena**.

Она остановилась.

Адриан в ту же секунду поднял голову.

Они поняли одновременно.

— Задание на отборе, — сказал он.

— Эвиденциальность, — добавила Хана.

Мара вышла к доске.

— Возможно, это три разных способа сказать «я» в зависимости от того, откуда говорящий знает то, что говорит.

Адриан дописал первую строку:

е — прямой опыт

Вторую:

еir — свидетельство другого

На третьей они остановились.

ена.

Конструкция рядом была связана с памятью.

Но обычное «я помню его» уже могло строиться без неё.

Хана первой сказала:

— Может быть, человек помнит не своё.

Мара посмотрела на текст.

— «Я помню через него».

Арендт написал на доске три старых варианта перевода:

я помню со слов другого

я помню вместо другого

я помню память другого

Джулиан прочитал последнюю.

— Красиво.

— Бессмысленно, — сказала Хана.

— Поэтому и красиво.

Мара спросила:

— Есть известные языки с такой категорией?

— С развитой эвиденциальностью — множество.

— Я спрашиваю про память другого человека.

— В таком виде мне неизвестно ни одного.

Мара снова посмотрела на ена.

Само наличие грамматической формы, конечно, ничего не доказывало.

Языки имели слова для богов, призраков и драконов.

Но какой культуре понадобилось регулярно уточнять:

это воспоминание принадлежит мне или пришло через другого?

Глава 4. Непереводимое

Первое совместное задание они начали с таблицы результатов.

Это была ошибка.

Адриан провёл вертикальную черту по листу.

Слева написал:

ЭРЕН

Справа:

ФАЛЬК

Мара посмотрела.

— Мы переводим рукопись или играем в теннис?

— Полезно фиксировать ошибки.

— Чьи?

— Пока неизвестно.

— Тогда переименуйте столбцы.

Он не стал.

Через час в колонке Мары стояли два балла.

По её версии.

В колонке Адриана — один.

По его версии там вообще ничего не должно было быть.

— Вы сказали, что конструкции не существует.

— Я сказал, что она не подтверждена.

— Вы использовали слово «несуществующая».

— Семантически...

— Нет.

Мара поставила ещё одну черту.

Адриан зачеркнул.

Она ударила его карандашом по пальцам.

— Это насилие.

— Рецензирование.

Он рассмеялся.

По-настоящему.

Мара невольно посмотрела.

— Что?

— Проверяю, умеете ли.

— Результат?

— Требуются дополнительные данные.

• • •

Главной проблемой четырнадцатого листа был корень **tel**.

Мара считала его глаголом.

Адриан — отглагольным существительным.

Оба могли построить убедительную систему.

Обе ломались в другом месте.

К половине восьмого Мара заметила:

— Мы обсуждаем не слово.

— А что?

— Разницу между информацией и опытом.

Адриан посмотрел на строки.

В одной и той же конструкции менялся только показатель источника.

— Если я говорю «помню ваш рассказ», это может означать две вещи, — сказала она. — Я помню содержание. Или помню момент, когда вы рассказывали.

— Во втором случае воспоминание моё.

— Да.

— В первом информация ваша.

— Да.

Он некоторое время смотрел на текст.

— Тогда епа может маркировать не информацию.

— А опыт.

Адриан медленно кивнул.

— Слишком большой вывод.

— Разрушите.

Он пытался десять минут.

Потом сказал:

— Пока не могу.

Мара поставила балл.

На этот раз он не зачеркнул.

• • •

За ответом они полезли не в перевод, а на оборот листа.

На 14v была латинская маргиналия.

Нико сначала отказался её показывать.

Потом пришёл в читальный зал лично, чтобы выяснить, зачем она им понадобилась.

В итоге написал по памяти:

non idem est meminisse et meminisse per alterum

Мара перевела:

— «Не одно и то же помнить и помнить через другого».

— Примерно, — сказал Нико. — Последние слова читаются не идеально.

Адриан посмотрел на Кодекс.

— Значит, tel всё-таки связано с памятью.

— Маргиналия на двести лет младше текста, — напомнила Мара. — Её автор мог ошибаться.

— Но она совпадает с нашей моделью.

— Поэтому полезна. Не поэтому истинна.

Адриан чуть улыбнулся.

— Вы начинаете звучать как я.

— Никогда больше не говорите этого.

• • •

К девяти они пришли к единственной версии, которой были одинаково недовольны:

[tel]: отношение субъекта к пережитому или сообщённому опыту; точный перевод преждевременен.

Адриан посмотрел на квадратные скобки.

— Арендт нас убьёт.

— В собственной статье он утверждал, что иногда честный перевод должен сохранять отсутствие эквивалента.

— Люди в статьях лучше, чем в жизни.

— Говорите по опыту?

Он не ответил.

Мара не стала добивать.

При сборе вещей она увидела старую таблицу.

ЭРЕН: 2

ФАЛЬК: 1

Адриан приписал:

результат не верифицирован

Мара ниже:

проигравшие всегда так говорят

Он сложил лист.

— Я забираю.

— Это мой.

— Теперь архивный документ.

Почему-то она позволила.

Глава 5. Один перевод

В пятницу Арендт долго читал их перевод.

— Кто настоял на квадратных скобках?

— Эрен, — сказал Адриан.

— Фальк согласился.

— После двадцати пяти минут сопротивления.

— Я засекала.

Арендт поднял взгляд.

— Я задал один вопрос.

Они замолчали.

— Хорошо.

Мара не сразу поверила.

— Что именно?

— Вы отказались создавать точность там, где её нет.

— Мы потратили на это три вечера.

— Значит, урок оказался дорогим.

— Это был урок?

— Всё здесь урок, если вам не повезло.

• • •

Дальше он показал три перевода одного фрагмента.

1894:

Я вспоминаю то, что было сказано мне.

1911:

Я помню то, что другой помнил во мне.

1977:

Через меня сохраняется память другого.

— Второй не имеет смысла, — сказала Селеста.

— Возможно, именно поэтому он ближе, — ответил Адриан.

Мара посмотрела на него.

— Объясните.

— Первый сглаживает странность. Третий объясняет её через культурную практику. Второй оставляет проблему на месте.

Она не сразу, но согласилась.

Это раздражало меньше, чем раньше.

На экране появился комментарий группы 1911 года:

Форма не обозначает сообщение о чужой памяти. Она требует, чтобы говорящий грамматически включал себя в акт чужого воспоминания.

Рядом стояли инициалы:

R–L

— Кто они? — спросила Мара.

— Пока неважно, — сказал Арендт.

— Для кого?

— Для вашей задачи.

Вот тут она снова разозлилась.

• • •

После семинара профессор выдал Маре и Адриану пропуски в Старую библиотеку до полуночи.

— Остальные пары тоже получают?

— В другие дни.

— То есть мы не особенные.

— Разочарованы?

— Ужасно.

Арендт протянул карточку.

— Никаких старых архивов. Только материалы текущего задания.

— Правило шесть.

— Рад, что вы хотя бы помните правила, которые нарушаете.

Мара взяла пропуск.

— А если старый архив случайно попадётся?

— Не попадётся.

Тон был спокойным.

Но улыбка исчезла.

• • •

В семь Адриан опоздал на три минуты.

И принёс два кофе.

— Семь три.

— Трамвай.

— Оправдания.

Он поставил перед ней капучино без сахара.

Мара посмотрела.

— Откуда знаете?

— Вы брали такой в понедельник.

— Запомнили?

— У меня хорошая память.

Фраза прозвучала совершенно обычно.

Но оба замолчали.

Слишком многое уже было связано с этим словом.

Адриан первым отвёл глаза.

— Это просто кофе.

— Я ничего не сказала.

— Лицо.

Мара взяла стакан.

— Плохо на вас влияю.

— Ещё один риск совместной работы.

• • •

В конце занятия Арендт объявил:

— Следующие две недели Эрен и Фальк работают одной парой.

Они одновременно сказали:

— Нет.

Джулиан засмеялся.

— Прекрасное решение.

Мара повернулась к профессору.

— Почему?

— Потому что ваши методы противоположны.

— Поэтому половину времени мы спорим.

— Именно.

— Это неэффективно.

— Только если цель — закончить быстрее.

Адриан спросил:

— А цель?

Арендт посмотрел на них обоих.

— Получить перевод, которого не способен сделать каждый из вас по отдельности.

Перед ними легла новая копия.

MS A-113, fol. 14r

Внизу рукой Арендта:

Представить один перевод. Не два.

Мара посмотрела на Адриана.

— Нет.

— Согласен.

— Сегодня в шесть.

— У меня занятие.

— В семь.

— Ужин.

— В восемь.

— Вы всегда назначаете время людям без их согласия?

— Только трудным.

Мара вздохнула.

— В шесть.

Адриан улыбнулся.

— Договорились.

Селеста дождалась, пока он уйдёт.

— Очень тонко.

— Что?

— Ничего.

— Вы все сегодня сговорились?

— Я просто восхищаюсь вашей ненавистью.

Мара посмотрела на лист.

Четырнадцатый фолио.

Один перевод.

Два человека.

Она взяла карандаш и написала сверху:

Фальк ошибается.

Подумала.

Добавила:

Выяснить где.

Глава 6. После закрытия

После десяти библиотека становилась другим местом.

Днём даже тишина состояла из людей: шагов, шёпота, скрипа стульев, тележек между стеллажами.

Ночью оставались часы и старое дерево.

Мара посмотрела в тёмный проход между шкафами.

— Если сейчас появится монах, я не удивлюсь.

— Библиотеку построили через двести лет после закрытия монастыря.

— Призраки не умеют переезжать?

Адриан подумал.

— Если появится, сначала проверим одежду.

— Вы даже призрака превратите в первичный источник.

— Иначе зачем он пришёл?

Работать вместе стало неожиданно легко.

Не потому, что споров стало меньше.

Они научились различать их.

Когда Мара говорила «нет» слишком быстро, Адриан ждал: обычно это означало, что она ещё думает.

Когда он замолкал и начинал крутить карандаш, Мара уже знала, что его формальная модель сломалась и он просто не готов сообщить об этом миру.

На полях появились их комментарии.

невероятно, написал Адриан.

Мара добавила:

наконец согласны

Он:

с тем, насколько это плохо

Она:

поздно уточнять

Через час документ выглядел не как исследовательский черновик, а как переписка двух людей, которым дали слишком много карандашей.

• • •

Около половины одиннадцатого Мара поймала себя на том, что читает одну строку третий раз.

— Пять минут, — сказал Адриан.

— Мне не надо.

— Мне надо.

Он вернулся от автомата с двумя шоколадными батончиками.

— Нет.

— Вы не ели.

— Ела.

— Когда?

Мара открыла рот.

Он продолжил:

— В семь сказали, что поужинали. В семь три спросили, есть ли в автомате нормальная еда. Последние десять минут трёте висок.

Мара убрала руку от виска.

— Вы всегда так следите за людьми?

— Нет.

Слишком быстро.

Оба заметили.

Адриан бросил ей батончик.

— Просто вижу.

— Немного пугает.

— Можете вернуть.

Мара открыла упаковку.

— Поздно.

• • •

Первый настоящий прорыв случился из-за одной буквы.

— Здесь не *teir*, — сказал Адриан.

— *Teir*.

— *Tair*.

— Это расплывшиеся чернила.

Он увеличил фотографию.

— Тогда почему следующий знак согласуется иначе?

Мара придвинулась.

Если это действительно **tair**, их схема менялась.

Система кодировала не только источник.

Ещё и того, к кому относился опыт.

Они разложили страницы по столу.

Через пятнадцать минут получилась таблица.

По вертикали — источник.

По горизонтали — носитель.

— Это ненормально, — сказала Мара.

Адриан смотрел на таблицу так, будто ему только что дали ключ от закрытой двери.

— Это великолепно.

Она посмотрела на него.

Впервые он выглядел не собранным и не правильным.

Просто счастливым.

На пальце тёмное пятно от карандаша. Волосы растрепались. Рукава закатаны.

Он заметил взгляд.

— Что?

— Ничего.

— Опять.

— Думаю о системе.

— Конечно.

— Очень собой довольны?

— Нами.

Слово прозвучало без значения, которое Мара могла бы разумно обсуждать.

Но она почему-то опустила глаза.

— Это пока гипотеза.

— Знаю.

— Может оказаться неправильной.

— Знаю.

— Тогда почему...

Она едва не сказала «счастливы».

— ...такой самодовольный?

Он рассмеялся.

— Теперь узнаю вас.

• • •

Они вышли без четверти двенадцать.

На улице шёл первый снег.

Крупные хлопья таяли на мокрой мостовой.

Мара остановилась под аркой.

— Наконец.

— Любите снег?

— Первый.

— А второй?

— Второй уже погода.

Адриан раскрыл зонт.

До общежития они шли вместе.

Под одним зонтом было тесно, поэтому Мара постоянно выходила плечом под снег.

Адриан сдвигал зонт к ней и мок сам.

— Ваша геометрия хуже вашей морфологии.

— Вы всё время отходите.

— Потому что вы слишком близко.

Он посмотрел.

Мара тут же добавила:

— Зонт маленький.

— Я понял.

По лицу не было видно, правда ли.

У ворот она остановилась.

— Завтра проверим таблицу.

Адриан посмотрел на часы.

00:03.

— Сегодня.

— Ненавижу вас.

— До десяти?

— До одиннадцати.

— Щедро.

Он пошёл через площадь.

Уже открывая дверь, Мара почему-то обернулась.

Адриан тоже.

На другой стороне улицы.

Оба почти сразу пошли дальше.

Глава 7. Источник знания

Их красивая таблица оказалась неправильной.

Не полностью.

Это было хуже.

Арендт указал на один поздний пример, где человек, маркированный предполагаемой формой «носителя опыта», вообще не участвовал в событии.

— Может быть пропуск, — сказала Мара.

— Нет.

— Откуда знаете?

Арендт показал латинскую помету:

quod numquam vidit

то, чего он никогда не видел

Мара перечитала.

— Тогда не носитель.

— Или «пережить» шире, чем «видеть», — сказала Хана.

Адриан поднял голову.

— Через рассказ?

— Для рассказа у нас уже другая форма.

— Сон, — предложила Хана.

Мара посмотрела на неё.

— Почему нет?

Хана пожала плечами.

— Есть языки, грамматически различающие источники информации, в том числе вывод или пересказ. Почему эта культура не могла считать сон отдельным способом получения опыта?

Нико сказал:

— Потому что всё это начинает звучать ужасно.

— Научно?

— В целом.

Арендт подошёл к доске.

— Перестаньте искать современное название.

Он написал:

КАКОЙ ВОПРОС ГРАММАТИКА ЗАСТАВЛЯЕТ ЧЕЛОВЕКА ОТВЕЧАТЬ?

Мара смотрела на три серии.

— «Откуда вы это знаете?»

— Это первая часть, — сказал Арендт.

Адриан продолжил:

— «Почему вы считаете это своим знанием?»

Тишина.

Хана кивнула первой.

На доске появилась схема:

знаю сам

знаю от другого

И третья:

знаю как своё, хотя источник не я

Джулиан медленно сказал:

— Очень неудобный язык для лжи.

— Наоборот, — ответил Нико. — Представьте, сколько существует способов солгать о собственном источнике.

Арендт повернулся.

— Именно.

Он написал:

ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ ≠ ИСТИНА

— Грамматика ничего не проверяет. Она требует, чтобы говорящий заявил отношение к знанию.

Мара почувствовала облегчение.

— Тогда наличие формы ничего не доказывает.

— Конечно.

— Можно иметь грамматику для чужой памяти и не уметь передавать память.

— Разумеется. Наличие слова «единорог» не доказывает единорогов.

— Спасибо. Наконец что-то успокаивающее.

Арендт посмотрел внимательнее.

— Вас нужно успокаивать?

— Пока нет.

Адриан повернул голову.

Мара не стала смотреть.

• • •

После занятия он догнал её.

— Вы имели в виду синюю птицу?

Она остановилась.

— Возможно.

— Очень смешно.

— Учусь.

Адриан опёрся на подоконник.

— Мы уже обсуждали эксперимент.

— Мы его рационализировали.

— Это разные вещи?

— Иногда.

Она показала пальцами:

— Синяя птица. Надпись. Посвящение Сабине. Теперь грамматика, которая различает собственный и чужой опыт. Вам совсем не странно?

Адриан помолчал.

— Странно.

Вот.

Без ухода.

— Но?

— Именно поэтому не хочу соединять всё в одну историю раньше времени.

— Красивые версии.

— Да.

Мара кивнула.

— Хорошо.

Он удивился.

— Всё?

— Я тоже могу соглашаться.

— Запишу дату.

Теперь эта фраза принадлежала уже им обоим.

• • •

Вечером Адриан принёс сэндвичи.

— Я не просила.

— Знаю.

— Тогда зачем?

— Вчера снова забыли поесть.

Мара взяла один.

— Если привыкну, будете виноваты.

— Рискну.

Позже она рассказала про профессора в Лионе, снизившего оценку за перевод, потому что Мара «слишком много спорила с исходным текстом».

Адриан сказал:

— Иногда текст стоит оставить в покое.

— Никогда.

— Вот поэтому вам снизили оценку.

— Переводчик обязан спорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.